

"Польские якобинцы": эволюция отношения к террору во время восстания 1794 г.

Научный руководитель – Дмитриев Михаил Владимирович

Левина Полина Александровна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории южных и западных славян, Москва, Россия

E-mail: polina_levina@mail.ru

Как известно, конец XVIII в. - время, во многом определившее весь ход развития Польши вплоть до настоящего времени. Разделы Речи Посполитой явились одним из самых трагических событий в истории этого государства, но вместе с тем способствовали невероятному подъему общественного движения, которое после, в XIX в. стало невероятно ярким и интересным явлением. Одновременно с этим, с точки зрения мировой истории, произошло и другое очень высокой значимости событие - Французская революция, в корне переменившая образ жизни и мировоззрение множества людей.

«Польские якобинцы» - группа, оформившаяся в 1794 г. - откликнулись на оба процесса. С одной стороны, те, кто относили себя к ней, безусловно поддерживали Тадеуша Костюшко и причисляли себя к повстанцам, главной целью которых было освобождение страны от иностранного вмешательства. С другой стороны, они являлись носителями новых - революционных по своей сути - идей, которые, хотя и опирались на многие французские достижения, основывались все же на существующих реалиях польской жизни [3].

Если мы посмотрим на идеи «польских якобинцев» накануне и в первые месяцы восстания 1794 г., потом на их взгляды ближе к его концу, и, наконец, обратимся к их предложениям и мыслям после неудачи и Третьего раздела, мы увидим, насколько сильно их позиции эволюционировали за этот непродолжительный, хотя и очень насыщенный событиями отрезок времени. Так, характерно их отношение к применению насилия для достижения каких-либо политических целей - к террору как к методу борьбы. У одного из самых ярких «польских якобинцев» - Гуго Коллонтая, мы читаем следующую мысль, высказанную еще в 1790 г.: «сердце каждого человека содрогается от крайностей террора, которые допущены были в этом случае французами» [2]. Напомним, что в 1790 г. террор еще не приобрел во Франции такого размаха, как 1793-1794; тем не менее Коллонтай уже тогда считает нужным обратить на него внимание. И хотя из текстов, написанных им, также становится понятно, что он вдохновлен многочисленными результатами Французской революции, очевидно и то, что для него подобный, насильственный метод борьбы, являлся неприемлемым (или, по крайней мере, возможным лишь в исключительных случаях).

Ситуация, однако, меняется во время восстания. 9 мая и 28 июня в Варшаве под руководством группы «якобинцев» были проведены публичные казни «изменников» - тех, кто, с их точки зрения не действовал на благо Польши, поддерживая войска «государств-завоевателей». Среди них, впрочем, могли оказаться и те, кто сочувствовал повстанцам, однако не готов был принять прогрессивные проекты преобразования общества, предлагаемые «якобинцами». Заметим, что руководил этими казнями, не сам Гуго Коллонтай (хотя, естественно, что как значимая в группе личность он не мог не высказывать своего мнения на этот счет, а его влияние было велико). Большую роль в этих революционных выступлениях сыграли двое других «якобинцев»: Юзеф Мейер и Казимеж Канопка, которого современники называли «юношей, дышащим кровью и заговорами». Но почему

же произошел этот поворот к насилию, которому эти люди изначально не могли найти оправдания?

С одной стороны, для того были исключительно «польские» причины: восстание становилось все ожесточеннее - возникло понимание, что в случае поражения, скорее всего, произойдет Третий раздел. С другой стороны, значительную роль сыграли и события во Франции, на которую, так или иначе, ориентировалась группа: закон от 22 прерияля II года, упростивший практику судопроизводства и введивший юридическую категорию «*ennemis du peuple*» («враг народа»), открыл эпоху Большого Террора, поставил насильственные методы и устрашение «в порядок дня» [1], [4]. Мы видим, что нарастание подобных настроений, как среди французских, так и среди польских революционеров происходит фактически одновременно. В связи с этим, перед исследователем польского общественного движения (а шире, перед любым историком, занимающимся какой-либо революцией) встает вопрос: дело в том, что на «польских якобинцев» действительно очень сильное влияние оказали французские события, или же это связано с тем, что любые революционные движения имеют закономерности своего развития, проявляющиеся всегда, но в меньшей или в большей степени?

Что касается завершающего этапа восстания 1794 г., то здесь мы наблюдаем спад столь радикальных настроений. «Польские якобинцы» продолжают высказывать прогрессивные мысли о преобразовании общества, однако насильственные методы политической борьбы становятся для них все менее приемлемыми. С чем же это могло быть связано? Думается, для этого существовало несколько причин. Поражение становилось в октябре и тем более ноябре все более вероятным: необходимо было отбросить политические разногласия между разными группами восставших. Вместе с тем, казни в Варшаве, где столь большое влияние имели именно «польские якобинцы», не были поддержаны теми, кто представлял правое, менее радикальное крыло повстанцев; осудил их и сам Тадеуш Костюшко. Наконец, мы наблюдаем разочарование и у некоторых членов группы «якобинцев», многие из которых после восстания отошли от столь «передовых» для Польши того времени идей о глубоких реформах. Например, в этом смысле очень интересна судьба одного из «якобинцев» - Юзефа Зайончека, который сначала поддерживал Гуго Коллонтая, и даже критиковал Конституцию 3 мая, находя ее недостаточно «современной» [5], а после приобрел куда более «консервативные взгляды», получил чин генерала от Александра I и в 1815 г. стал наместником в Царстве Польском.

Представляется, что изучение идей группы «польских якобинцев» является интересным не только с точки зрения развития общественной мысли наиболее прогрессивных и при этом радикально настроенных участников восстания 1794 г.; оно заставляет задуматься и о том, как и почему эти идеи трансформировались в ходе восстания: почему в какой-то момент террор стал возможен (или «необходим»?); что, с другой стороны, заставило от него отказаться? Обращая внимание на французский или же любой другой революционный опыт (безусловно, с учетом обстоятельств времени, места и исторических реалий), мы можем делать новые предположения о проблеме связи самого феномена революции и политики террора.

Источники и литература

- 1) Генифе П. Политика революционного Террора. 1789–1794. М., 2003
- 2) Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. Т. 1. М., 1956
- 3) Leśnodorski B. *Polscy Jakobini*. Warszawa, 1960
- 4) Leśnodorski B. *The state of the Jacobin dictatorship: theory and reality // The American and European revolutions, 1776–1848: sociopolitical and ideological aspects*. Iowa, 1980

- 5) Zajączek J. Histoire de la Revolution de Pologne en 1794, par un Temoin oculaire. Paris, 1794